

Приезд Елены Трубецкой (Голицыной) в лагерь к заключённому мужу. 1954 г. (Здесь и далее фото из архива Трубецких).

унижения и борьба с ним, а за протест и борьбу — штрафной барак и неясность о сроках освобождения, ибо постоянной угрозой была угроза продления «срока» за «проступки». Он отказался быть доносителем и большую часть времени проводил в штрафном бараке.

В марте 1953 г. умер Сталин и родилась надежда, но в лагере почти всё продолжалось по-прежнему. Бунт в соседнем лагпункте был подавлен. Взбунтовавшихся просто уничтожили.

В сентябре 1954 г. в лагерь к мужу А. Трубецкому приезжала его жена Елена. Она проявила удивительную выдержку и твёрдость, добиваясь свидания, но свидания не дали. Они увиделись только издали. Приезд к заключённому мужу стал сенсацией на весь лагпункт! Жены чаще отказывались от осужденных по статье 58 УК РСФСР — «Измена родине», чем пытались навестить их. В 1954 г. (после смерти Сталина) были разрешены свидания. Елена приехала вновь. Елене и Андрею разрешили личное свидание без свидетелей в отдельном помещении около лагерной зоны.

А.В. Трубецкой был освобожден из лагеря в 1955 г. на два-три месяца раньше массового освобождения реабилитированных политзаключённых. Об этом специально хлопотал президент Академии наук СССР, академик А.Н. Несмеянов, чья племянница вышла замуж за младшего брата Андрея. Освобождение из лагеря произошло в феврале 1955 г., и тот день Андрей Трубецкой воспринял как второй День

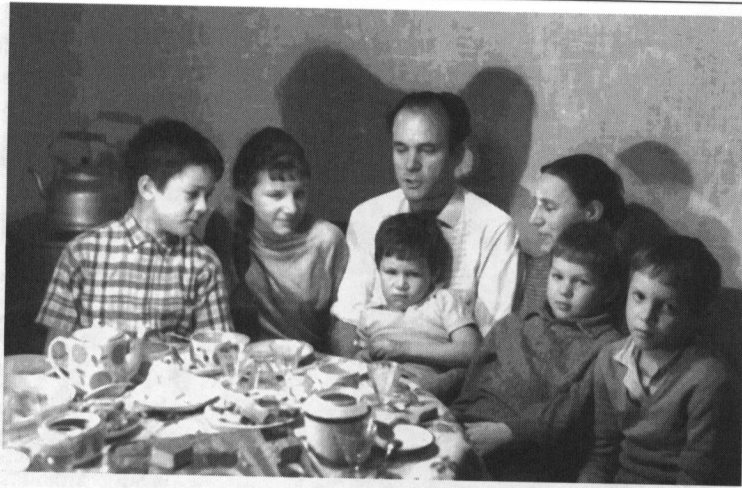
Снова вместе! 1955 г.

Победы. Его реабилитировали, вернули личные вещи и награды, но орден Славы — пропал. Это было очень обидно, осталась только орденская книжка. Орден Славы был на такой же полосатой чёрно-оранжевой «георгиевской» ленте, как Георгиевский крест, которым был награжден в Первую мировую войну его отец, Владимир Сергеевич, и в этом была преемственность наград защитников Отечества.

А далее в жизни Андрея Владимировича Трубецкого было то, с чего я начал. В 1957 г. он получил диплом Московского государственного университета — через 11 лет после поступления в него, из которых пять с половиной лет он был узником тюрьмы и лагерей!

А.В. Трубецкой — учёный

Андрей Владимирович не отказался от желания исследовать замечательный феномен природы — человеческое сердце. Он поступил в аспирантуру Института терапии АМН СССР к руководителю своей дипломной работы по кафедре физиологии МГУ — профессору М.Г. Удельнову (о нем я пишу в очерке о кафедре физиологии Биофака МГУ). В 1961 г. А.В. Трубецкой защитил кандидатскую диссертацию: «Изучение регуляции венозного кровообращения и нервно-рефлекторных связей сердца при помощи метода его гуморальной изоляции» (научный руководитель профессор М.Г. Удельнов) и приступил к работе над докторской диссертацией. Он работал организованно и интенсивно. Помимо интереса к науке существовали и жизненные обстоятельства и стимулы: семья росла, рождались новые ма-

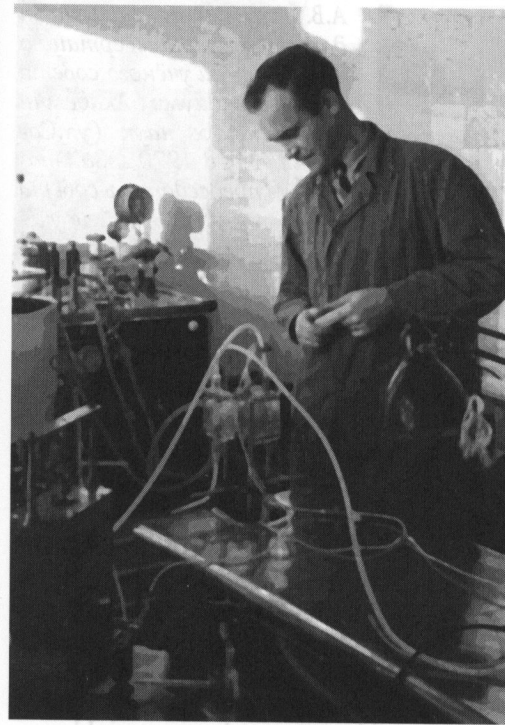
Семья А.В. и Е.В. Трубецких, 1968 г. Дети: Пётр, Елизавета, Владимир, Николай, Михаил с родителями.

лыши, всех нужно было кормить и одевать, родителей, способных помочь, не было.

У Андрея Владимировича и Елены Владимировны Трубецких родилось пятеро детей. Я мало знаю об их судьбах, но уверен, что они достойны своих родителей. С.Э. Шноль (который учился в одной группе с Трубецким в 1946–49 годах) рассказал мне как-то, что на каком-то этапе жизни Трубецкие, как многодетная семья, к тому же — семья ветерана Отечественной войны, получили четырёхкомнатную квартиру, и однокурник С.Э. Шноль навестил их в этой квартире. Первое, что он увидел, это было множество кимограмм⁴ работы сердец подопытных лягушек, развешанных на веревочках, протянутых через комнаты. Эти лягушки подвергались различным физиологическим процедурам (действию химических, фармацевтических препаратов и т.п.) и регистрировалось влияние этих «воздействий» на работу сердца. Изучение документов этих опытов продолжалось в любое время суток, когда позволяли домашние обстоятельства. Этим, правда, не удивишь научных работников-экспериментаторов: известно, что наука требует «нелимитированного» рабочего дня, и таким был рабочий день у докторанта А.В. Трубецкого. А вот другое впечатление от этой дружной многодетной семьи было уникальным и замечательным.

За стол были усажены все дети: мал, мала меньше (см. фото). На стол была поставлена большая миска с ячневой кашей и тарелки для каждого малыша, и мама раздала всем кашу. На тот же стол была по-

⁴ Кимограмма — механическая запись на бумаге сокращений сердца во вскрытой грудной клетке.

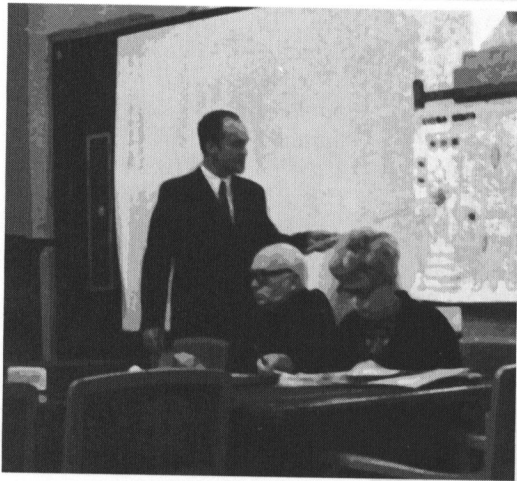
А.В. Трубецкой за сбором установки искусственного кровообращения в лаборатории Института терапии АМН СССР, 1960-е годы. (Здесь и далее — фото С.Э. Шноля).

ставлена миска, в которую были высыпаны конфеты, принесённые в качестве гостинца Симоном Эльевичем Шнолем. Малыши с удовольствием разглядывали конфеты в разноцветных бумажках, обсуждали, кто какую хочет взять, но не прикасались к ним, ибо это не полагалось до окончания еды, и никаких капризов и обид — удивительным было воспитание детей и детское самообладание в семье Трубецких! Спартанская жизнь была основой воспитания. Денег на меблировку квартиры не было, и Андрей Владимирович сколотил для детей деревянные двурусные кровати.

В 1971 г. А.В. Трубецкой защитил докторскую диссертацию: «Механизмы нейрогенных констрикторных⁵ реакций коронарных сосудов сердца». Когда был создан Кардиологический научный центр АМН СССР, доктор биологических наук А.В. Трубецкой стал заведующим одной из его лабораторий, которая изучала причины нарушения коронарного кровообращения сердца.

Все те долгие годы, что А.В. Трубецкой изучал работу сердца, я занимался исследованием деления клеток зародышевого пути у животных и растений — генеративных клеток, ибо после окончания кафедры

⁵ Констрикция кровеносного сосуда — это его сжатие, общее или локальное.

А.В. Трубецкой защищает докторскую диссертацию на заседании учёного совета при президиуме Академии Медицинских наук (ул. Солянка, 14) в 1970 г. За столом — председатель совета проф. В.А. Неговский и учёный секретарь Т.С. Пасхина.

физиологии животных я сменил свою специальность. А если бы затеял писать этот очерк раньше — разузнал бы о научной работе Андрея Владимировича раньше и из уст его самого. Но мы нечасто предвидим то, что нам будет интересно или нужно в будущем. Однако, когда, казалось бы, я закончил писать этот очерк, я подумал, что нельзя не сказать о сути научной работы человека, биографии которого я уделю столько времени и трачу время читателей. И вот, с помощью Интернета и заведующей библиотекой моего Института Анастасии Николаевны Кузьминой, я разыскал несколько публикаций А.В. Трубецкого в журнале «Кардиология» и в «Физиологическом журнале СССР» за 80-е годы.

Заведующий лабораторией регуляции сердца и коронарного кровообращения Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР доктор биологических наук, затем ставший профессором, Андрей Владимирович Трубецкой после защиты в 1971 г. докторской диссертации и до конца 1991 гт. продолжал экспериментальные исследования регуляции коронарного (т.е. «внутрисердечного») кровообращения, начатые им сразу после окончания МГУ. Сердце — это живой «мотор» с автономным управлением, но подверженный влиянию нервной и эндокринной систем. Как известно, сердце никогда не «выключается», а его жизненный ресурс превышает по времени ресурс любого рукотворного мотора. Однако для этого сердце должно непрерывно и полноценно питаться кровью через богатую систему собственных «коронарных» сосудов. Областью кардиологии, которой 35 лет занимался Андрей Владимирович, было всестороннее экспериментальное исследование таких явлений как спазмы и тромбы коронарных сосудов, предупреждение тромбообразования, возможность

Застолье в Институте терапии АМН СССР в Петровверигском переулке после защиты докторской диссертации А.В. Трубецкого. Выступает бывший командир партизанского отряда Владимир Константинович Цветинский, он же — «майор Орлов».

удаления тромбов, регуляция работы сердца со стороны гипоталамуса, тонкие взаимодействия тканей коронарных сосудов. Эти исследования, начавшиеся в аспирантуре на сердцах лягушек, были продолжены на сердцах подопытных собак. Увы, ради возможности изучить работу сердца человека, друзья человека — собаки — платят и будут платить своей жизнью! Биолог А.В. Трубецкой не лечил людей, не делал операций или экспериментов на сердцах пациентов, но он и его сотрудники поставляли врачам-кардиологам своего института ценнейший материал и делали выводы и предложения на основе экспериментов на собаках.

Люди интересуются своим сердцем, особенно в немолодые годы. Поэтому я позволю себе познакомить читателя кое с чем из опыта, приобретённого профессором А.В. Трубецким. Вот одно из обобщений, сделанных им на основе собственных исследований и анализа мировой литературы: «... в основе спастических реакций коронарных сосудов лежат нарушения реактивности гладких мышц (в частности кальциевых и калиевых каналов) и вазодилаторной функции эндотелия [т.е. способности внутреннего клеточного слоя сосудов расслаблять сосуды, делать их шире — Ю.Ф.Б.], что характерно для атеросклероза (Ведерников, 1987). В этих условиях нейрогуморальные воздействия могут вызывать повышенную сократимость гладких мышц» [имеются в виду гладкие мышцы коронарных сосудов] и, следовательно, приводить к усилению спазма, — поясняю я, автор очерка.

И ещё: «Свойства тромбоксана A_2 , выделяемого тромбоцитами [при образовании их сгустков — тромбов — Ю.Ф.Б.] и серотонина при их [тромбоцитов] активации сужать коронарные сосуды объединяет спазм и процесс тромбообразования в единую цепь событий. Её можно представить в виде упрощённой схемы, образующей порочный круг: тромб — спазм — ишемия — агрегация тром-

⁶ Сосудорасслабляющей

Банкет в Институте терапии АМН СССР после защиты докторской диссертации А.В. Трубецкой. 1970 г.

боцитов — тромб. В свою очередь ишемия является не только звеном в этом порочном круге, она вызывает акинезию [потерю сократительной способности — Ю.Ф.Б.] миокарда, а это само по себе нарушает микроциркуляцию [циркуляцию крови в собственных сосудах сердца — Ю.Ф.Б.]. Напомним, что систолические сокращения миокарда, выжимая кровь из миокарда, способствуют дренажу. Но ишемия — также инициатор болевого стресса, запускающего, в свою очередь, целый каскад реакций, усугубляющих коронарную недостаточность. Фактором, обуславливающим проявление и течение коронарной недостаточности, следует признать ту или иную выраженность атеросклероза с его биохимическими, морфологическими и патофизиологическими проявлениями⁷.

А.В. Трубецкой вслед за своим учителем М.Г. Удельновым был глубоким исследователем, трудившимся на благородном поприще. Мотивом подвижнической деятельности учителя и ученика, тоже ставшего руководителем, профессором, был интерес к познанию тайн сердца и чувство долга учёного перед людьми. В полном соответствии с этим чувством, Андрей Владимирович не замыкался в своей лаборатории и даже в просторных стенах Всесоюзного кардиоцентра. Я нашёл его научные публикации с периферийными исследователями города Свердловска и Коми АССР (г. Сыктывкара), в которых он выступал в роли соавтора-советника, отнюдь не ставя себя на первое место, как это систематически бывает в публикациях профессоров-врачей.

Размышления

В трудном для нашей страны 1992 г., когда государственное финансирование науки почти прекратилось и зарплата научных работни-

⁷ А.В. Трубецкой. Коронарный спазм. Кардиология. 1989. Т. 29. № 11. С.25–28.

ков рухнула ниже прожиточного минимума, ветеран Великой Отечественной войны 72-летний профессор А.В. Трубецкой вышел на пенсию и занялся историко-литературным трудом, посвящённым роду князей Трубецких. Слушатели рассказов о его пути на войне и в лагере настояли на том, чтобы он записал эти устные рассказы и, в конце концов, эти рассказы составили необыкновенную книгу воспоминаний «Пути неисповедимы».

Позднее С.Э. Шноль, а потом и Михаил Андреевич Трубецкой (сын) прислали мне несколько электронных файлов фотографий семьи А.В. Трубецкого, фотографий, сделанных в Институте терапии и во время защиты докторской диссертации А.В. Трубецкого, и некоторые из них помещены в этом очерке.

Когда я прочёл книгу Андрея Владимировича «Пути неисповедимы», я не удержался и написал ему. Написал о том, что помню его по группе студентов-физиологов 4-го и 5-го курсов, написал, с каким волнением читал его книгу, и о том, что мне было интересно в первую очередь в его книге. Написал, что по довоенным годам помню разговоры об арестах наших знакомых (исчезали очень хорошие люди). Я написал, что Великую Отечественную войну я провел при тыловом эвакогоспитале, где моя мама оперировала и извлекала из тел раненых осколки и пули, что жил при этом госпитале, видел страшно покалеченных людей и слышал о войне всё, что мог услышать любопытный мальчишка. Написал, что из воспоминаний военного времени меня больше всего заинтересовало описание обстановки и порядков в воюющей Германии и на оккупированных территориях, потому что я слышал много рассказов от Тимофеева-Ресовского, и совпадение рассказов Тимофеева-Ресовского и Трубецкого стало для меня очень важным. Написал, что я высоко ценю мемуары Андрея Владимировича. Кратко рассказал о себе, о своей семье и даже приложил свою с детьми фотографию, чтобы он опознал меня.

Андрей Владимирович быстро откликнулся. Вот что он написал:

«21/ II — 01 г.

Дорогой Юрий Фёдорович!

Получил Ваше письмо. Искренне благодарю за высокую оценку моей книги. Она действительно охватывает самый бурный период моей жизни. Ни до, ни после ничего подобного не было. Конечно, память травмировали многочисленные аресты отца, страшный 37 год, да голод 30-х годов.

Некоторые имена, которые Вы упоминаете, мне знакомы. А вот Вас я, к сожалению, не помню. Вспоминается какой-то крупный парень, который нередко выезжал за рубеж, но фамилию его не знаю.

Запомнилась маленькая студентка с косичками, которая занималась кровью⁸. Вот, пожалуй, и всё о последней группе, с которой я кончал университет.

Из тех времён запомнился и такой эпизод на госэкзамене по истории партии; экзаменационные билеты были рассыпаны на столе, за которым сидел экзаменатор. По какому-то делу его срочно вызвали из аудитории. И тогда в комнату сейчас же влетел очередной экзаменуемый, схватил со стола билет, прочёл его и сунул в кучу, но совсем сбоку, и удалился. Молодец! Я же сдал этот экзамен на 4 и поэтому не получил диплома с отличием, хотя был «круглым» пятерочником.

Вот такие воспоминания вызвало Ваше письмо.

Что же ещё добавить. У нас растут 5 внуков и две внучки. Я же занимаюсь архивными делами — набираю материал об истории нашей семьи.

Крепко жму руку,
Ваш А. Трубецкой.

К этому могу добавить, что отсутствие диплома с отличием, к счастью, не помешало Андрею Трубецкому сразу после окончания университета поступить в аспирантуру. Наверно, в качестве необходимого для поступления в аспирантуру «производственного» стажа (в случае отсутствия вузовского диплома с отличием) засчитали три года «действительной службы» в армии? А возможно и участие в Великой Отечественной войне давало льготу? А в том, что А.В. Трубецкой не получил оценку «5» за экзамен по истории КПСС, есть что-то символическое: ну, не надо было ему формальным языком, в тех терминах, что «полагалось», отвечать историю той руководящей партии, которая... сыграла такую роль в истории его семьи, сотен тысяч других семей, в судьбе огромной страны, партии, которая, конечно, помогла выиграть Отечественную войну, но полная оценка исторической роли которой — дело наших внуков и правнуков.

Письмо А.В. Трубецкого в моём прочтении содержало для меня много скупых сказанных свидетельств о его жизненном пути: «...многочисленные аресты отца...», «...голод 30-х годов...», это — слова человека, испытавшего всё это в реальной жизни. Андрей Владимирович в моём представлении был сдержанным человеком. Эмоции его оставались его внутренним миром, который был открыт не каждому в том окружении, в котором я общался с ним. Но вот на некоторых фотографиях, полученных мною, когда я заканчивал писать очерк, я увидел

⁸ Это наверняка была Тамара Корецкая, которая в паре именно с ним выполняла задачи Большого практикума по физиологии на 4 курсе, а на 5 курсе — дипломную работу в Институте гематологии АМН СССР.

улыбающегося молодого Трубецкого и вспомнил, что такую же улыбку на его лице я видел случайно в Университете, когда Андрей в стороне от меня разговаривал с кем-то из его ровесников, сотрудников нашей кафедры! И тут я вспомнил некоторые эпизоды его молодости, о которых я прочёл в его книге. На войне он был жизнерадостным и жизненно крепким человеком и бравым парнем! Бывает так, что в памяти вдруг всплывает какая-то черта, эпизод, которые всё освещают по-новому, если ищешь ответ на нерешённый вопрос. Если приглядеться к фотографиям улыбающегося молодого Андрея Трубецкого, увидеть в профиль его мужественное мужское лицо и красивую голову и уловить весь его облик, то становится ясным, что он мог бы конкурировать с кинозвездами! А он выбрал путь учёного и семьянина.

Хотелось мне тогда, в 2001 году, продолжить переписку с Андреем Владимировичем, но для этого надо было погрузиться в его новые интересы, не писать же всё время о прошлом! Но сказалась моя закомплексованность: я всегда опасался навязываться людям, и это было главным, что сдерживало меня. Интересного для нас обоих продолжения в переписке я сразу не нашёл, думал, что со временем что-нибудь придёт на ум; а кроме того, как каждый работающий в науке и уже немолодой человек я больше всего был погружён в свои дела и заботы... а через год Андрей Владимирович Трубецкой скончался.

Накануне Дня Победы 2001 г., ещё при жизни Андрея Владимировича, я лишь послал ему поздравительную открытку с этим праздником, который, как написано в его книге, он чтит, как свой главный праздник и праздник новой России.

О патриотизме и о человеческом характере

В российской прессе, по радио и телевидению идут дискуссии о том, какими должны быть русские в XXI веке, о будущем России. Сдержанно рассказанная мною (я не писатель и не мастер эмоциональных рассказов) часть биографии русского патриота, носителя высокой морали русских дворян, солдата и академического учёного, профессора Андрея Владимировича Трубецкого — хороший материал для тех, кто ставит своей целью публичное обсуждение этих проблем. А для тех, кто не нуждается в «воспитании», потому что сам имеет образ мыслей, обозначаемый, увы, несколько девальвированным словом «патриотизм», мой очерк пусть будет приятным чтением о жизни замечательного человека, с которым наверняка было хорошо дружить и работать... просто в силу его спокойного, твёрдого, доброжелательного и жизнерадостного характера.